

Вспомнив слова Сюй Юя о том, что род Ли слишком амбициозен, но при этом воспитание в семье оставляет желать лучшего, Вэнь Жунь решил избегать всяких контактов с Ли Ка.

Как раз в этот момент подошёл Сюй Юй.

— О чём вы тут толкуете? — спросил он, сразу заметив по выражению лица Вэнь Жуня, что Ли Ка опять что-то нелепое ляпнул, и потому нарочито вмешался, прервав их, казалось бы, тайный разговор.

— А, да ни о чём особенном, — тут же ответил Ли Ка. — Просто задал пару вопросов. Вы тут поговорите, а я пойду.

С этими словами он встал и ушёл.

Перед ним стояли один суйцай и один цзюйжэнь, а сам Ли Ка всё ещё был «белым телом» — то есть не имел даже начального учёного звания. Ему было крайне неловко.

Он был всего лишь на несколько лет старше Сюй Юя, однако тот уже получил звание суйцай и имел все шансы сдать экзамен на цзюйжэнь. А его собственный отец тоже был лишь суйцаем, позже получившим должность заместителя уездного начальника.

Из-за этого каждый раз, встречая «суйцай», Ли Ка будто видел перед собой отца: он лишь формально кланялся, обменивался парой фраз и тут же поспешно уходил, совершенно не желая задерживаться. Уж тем более ему и в голову не приходило «сближаться через литературу».

Увидев, что Ли Ка ушёл, Сюй Юй подозвал Вэнь Жуня:

— Мы тут подумали и решили всё-таки сказать тебе: стань, пожалуйста, нашим поручителем на предстоящих уездных экзаменах в следующем году.

— Конечно, — сразу согласился Вэнь Жунь.

Ведь здесь было совсем немного людей, кто мог выступить в роли поручителя.

— К нам тоже обращались с просьбой стать поручителями, но мы... — Сюй Юй пришёл не один: с ним было ещё несколько человек, среди которых были и суйцаи, и «белые тела».

Он подробно объяснил вопрос поручительства и совместных гарантий.

Вскоре собралась целая толпа, и даже староста училища господин У пришёл и помог

распределить квоты.

Сдача экзамена на звание суйца требовала прохождения трёх этапов, что было довольно хлопотно. Желавших было много, и хотя для этого не требовались цзюйжэни, всё же нужны были суйцаи в качестве поручителей.

А вот на уездные экзамены (сяньши) уже обязательно требовались поручители из числа цзюйжэней.

Вэнь Жунь стал поручителем для Суй Юя, а тот, в свою очередь, объединился в группу совместных гарантий с ещё пятью суйцаями.

Что до Ли Ка? Он тоже нашёл себе поручителя, но это был не Суй Юй...

Когда все договорились и окончательно утвердили эти вопросы, староста училища господин У предложил всем собравшимся сочинить по импровизированному стихотворению:

— Посмотрим, насколько вы быстры на сообразительность!

На самом деле многие уже понимали: всё это делалось для подготовки к литературному собранию в уездном городе.

Вэнь Жунь не собирался участвовать и потому спокойно сидел в стороне, не двигаясь. Зато несколько суйцаев вышли вперёд и начали энергично писать стихи, размахивая кистями.

Остальные, кто рвался вперёд, увидев это, сразу сникли — среди них был и Ли Ка. Ведь на сцену вышли исключительно суйцаи, а «белых тел» — то есть тех, кто не имел учёного звания, — не было ни одного.

И вправду: ведь речь шла о литературном собрании в уездном городе. Без официального учёного звания там не только придётся кланяться каждому встречному, но и перед чиновниками не будет права даже стоять — придётся кланяться до земли. А на таких собраниях вполне могут присутствовать и сами чиновники. Представляете: все стоят, а ты — на коленях... выглядит не очень-то.

Больше всех об этом сокрушался Ли Ка.

Он считал, что его талант неплох, и знал, что сейчас как раз идёт отбор на то самое собрание в уездном городе. Но его даже не рассматривали — и от этого в душе у него закипала обида.

Он понимал, что остальные действительно сильнее него, но как же Вэнь Жунь?

Тот уже цзюйжэнь! Почему же он не выходит?

Неужели его звание цзюйжэня и впрямь такое, каким его отец подозревал — с какими-то «недостатками»?

Ведь получение Вэнь Жунем звания цзюйжэня выглядело весьма странно: прежний уездный начальник всё время уклончиво молчал по этому поводу, не устраивал торжественных празднований и не объявлял об этом по всему уезду с радостным энтузиазмом. Более того, он даже уехал отсюда в спешке.

А сам Вэнь Жунь, судя по всему, ничего об этом не знал.

Это не могло не породить подозрений у такого опытного «старого лиса», как заместитель уездного начальника Ли.

Правда, вслух он ничего не говорил, но однажды, сильно перебрав вина, проболтался — и Ли Ка случайно это услышал.

Тогда Ли Ка подумал, что отец просто пьян и несёт чепуху, и не придавал этому значения. Но теперь, увидев, что Вэнь Жунь не выходит на сцену, он вдруг насторожился.

Несколько суйцаев уже написали по стихотворению.

Конечно, все они сочинили на тему «весна» — самую что ни на есть подходящую для сезона.

Староста училища господин У лишь кивнул, ничего не сказав. То же самое сделали и двое других учителей. Только одноклассники горячо аплодировали.

Сам Вэнь Жунь даже не похлопал: стихи ему показались посредственными — не сказать, чтобы хорошими, но и совсем плохими не назовёшь. Просто заурядные.

Талант этих ребят — самый обычный.

Если даже здесь они кажутся заурядными, то на литературном собрании им, пожалуй, придётся быть просто «ступеньками» для других.

Вэнь Жунь ясно видел: господин У и два учителя на самом деле разочарованы. Нет среди учеников никого, кто мог бы стать настоящей опорой, никого, чей талант ослепил бы с первого взгляда. Где же искать будущих изысканных литераторов?

В этот момент Вэнь Жунь уже собирался что-то сказать, чтобы утешить трёх стариков, как

вдруг выступил Ли Ка:

— Всё это — привычные вещи, которые мы каждый день видим. А раз господин Вэнь уже получил звание цзюйжэня, почему бы ему не продемонстрировать своё мастерство? Пусть и мы, простые смертные, хоть раз взглянем на величие цзюйжэня!

Остальные удивлённо уставились на Ли Ка. Что за странное поведение? С чего вдруг он такое ляпнул?

Некоторые, с тёмными мыслями, подумали так же, как и Ли Ка: «Вэнь Жунь всегда был таким книжным червём, как ему удалось так повезти? Сколько людей сдавали экзамены — и только он один прошёл! Кому пожаловаться на такую несправедливость?» — и зависть в их сердцах вспыхнула.

Другие же просто хотели посмотреть, каков на самом деле литературный талант этого цзюйжэня Вэнь Жуня, ведь с ним почти никто не общался лично.

Таких, кто думал подобным образом, оказалось немало.

Хотя на ежегодное собрание пришло не так уж много людей, но у каждого в голове крутились свои мысли и расчёты.

Однако все без исключения с изумлением смотрели на Ли Ка, осмелившегося заговорить первым.

Вэнь Жунь тоже посмотрел на него:

— Ты хочешь увидеть литературный талант цзюйжэня?

На этот раз он даже не назвал его «братом Циншань» — привычным, дружеским обращением. Он даже имени не упомянул, а просто спокойно, с лёгкой отстранённостью, бросил взгляд на Ли Ка.

От этого взгляда у Ли Ка душа ушла в пятки!

Ведь он всего лишь «белое тело», а так грубо обращаться с цзюйжэнем — это уже за гранью приличия. Господин У нахмурился:

— Ли Ка, с кем ты вообще разговариваешь?

Ли Ка снова вздрогнул, поспешно подошёл вперёд, низко поклонился и сложил руки в

почтительном поклоне:

— Прошу господина цзюйжэня Вэнь оказать мне наставление!

Теперь он вёл себя с полным почтением, как ученик перед учителем.

Вэнь Жунь тоже не хотел с ним ссориться: род Ли был крупной семьёй, и помимо многочисленных родственников, его отец занимал должность заместителя уездного начальника.

Раз уж Ли Ка сам опустил голову, Вэнь Жунь решил не усугублять ситуацию и «спуститься по наклонной»:

— Что ж, ладно. Давно уже не сочинял стихов и загадок.

— Да что вы! — улыбнулся учитель Сунь. — Ваши два загадочных стихотворения до сих пор никто так и не разгадал! Посмотрим-ка сегодня, насколько вы быстры на сочинительство!

Вэнь Жунь усмехнулся:

— Пожалуйста!

Он вышел на сцену, а Ли Ка усердно растёр для него немного туши.

Это было скрытое признание поражения: он сам лично подал бумагу и растёр тушь — знак глубокого уважения.

Вэнь Жунь взял кисть и написал небольшое стихотворение.

Весенний ветер приходит в срок,

Лишь коснётся — и трава зазеленеет.

Он сметает тысячи слоёв снега,

И остаётся — десять тысяч цветов.

От того, как он взял кисть, до окончания стихотворения прошло меньше времени, чем требуется, чтобы выпить чашку чая.

Стихотворение называлось «Весенняя нега».

В нём говорилось, что весенний ветер приходит точно в срок, пробуждая землю к жизни: появляются первые ростки, распускаются листья. Неважно, сколько снега навалило зимой — весна всё равно сметёт его. А после того, как ветер пройдёт, природа оживёт, и прежде всего расцветут весенние цветы — их будет бесчисленное множество!

Когда все прочитали стихотворение Вэнь Жуня, глаза у них округлились от изумления.

Сюй Юй первым захлопал в ладоши:

— Брат Жу Юй! Ваша сообразительность и изящный слог поистине редкостны, редкостны!

Он прекрасно понимал: у него самого такого дарования нет. Только что он с трудом сочинил стихотворение «Прославляя весну», и оно вышло вовсе не изысканным — лишь еле-еле проходило по требованиям. Сам Сюй Юй знал: в поэзии и литературе ему не светит ничего выдающегося.

Но когда Вэнь Жунь продемонстрировал свой талант, Сюй Юй искренне восхитился и даже позавидовал.

Такая мгновенная сообразительность — дар, недоступный обычным людям.

— Как прекрасно: «Сметает тысячи слоёв снега»! — глаза господина У засияли, когда он смотрел на Вэнь Жуня. — Вэнь Жунь, а скажи-ка, у тебя в этом году найдётся время съездить в уездный город?

Вэнь Жунь понял: господин У хочет, чтобы он поехал на литературное собрание.

— В этом году, к сожалению, времени нет, — покачал головой Вэнь Жунь. — До Цинминя нужно съездить в деревню Вэньцзячжуан, чтобы перенести могилы предков, да и мой собственный дом ещё не достроен. Дел невпроворот — боюсь, в уездный город не получится.

У него дома не было пожилых людей, зато детей — хоть отбавляй.

А транспорт в эту эпоху и вовсе доводил до отчаяния.

Он точно не собирался мучиться в уездном городе, да ещё и выступать перед толпой незнакомцев на литературном собрании.

Гораздо приятнее оставаться дома: спокойно учить детей да заодно укреплять здоровье.

Честно говоря, он совсем не верил в прочность своего теперешнего тела. Несмотря на ежедневные тщательные заботы и регулярные физические упражнения, он так и не поправился, да и мышц пресса у него так и не появилось.

С таким тощим, как у «варёной курицы», телом — и вдаль собираться? Да не смешите!

Ни за что на свете он не поедет.

— Жаль, — вздохнул господин У. Он решил, что Вэнь Жунь до сих пор обижается из-за того «договора» и потому так упорно отказывается от поездки. Настаивать больше не стал — но всё же сожалел о таком редком даре импровизации.

Остальные тоже так поняли. Однако, увидев, как Вэнь Жунь всего за мгновение сочинил такое удачное стихотворение, все поняли: без глубоких литературных знаний такое невозможно. И невольно засмотрелись с завистью.

Ли Ка тоже завидовал — и даже злился. Ведь это был его шанс заставить Вэнь Жуня опозориться, а получилось наоборот: тот блеснул талантом при всех! Какая неудача! От досады ему стало совсем тоскливо.

Стихотворение Вэнь Жуня задало хороший тон, и несколько человек тоже написали свои короткие стихи. Пусть и уступали его творению, но всё же были неплохи. Так, за этим занятием, они и добрались до ужина.

Хозяева гостиницы явно постарались. Еда была простой — всего четыре блюда и суп, ведь в эти дни полагалось соблюдать скромность и избегать роскоши.

Первым подали «восемь сокровищ» — простое, но символичное блюдо. Это лёгкая закуска южного Цзяннаня, носящая прекрасное название «Овощи удачи и благополучия». Считалось, что если съесть её зимой, весь следующий год будет урожайным и спокойным.

Блюдо состояло из восьми разных овощей — строго определённых ингредиентов не требовалось, лишь бы их вкусы хорошо сочетались. Овощи бланшировали, остужали, затем смешивали с рубленой солёной зеленью, белым кунжутом и приправами — получалась освежающая и вкусная закуска, к тому же очень красивая на вид.

Её даже искусно оформили на блюде.

Кроме неё подали суп «Вэньсы» с тофу, фрикадельки «Шизитоу» с крабовым мясом на пару, «мясо Дунпо» и паровую щуку.

Четыре блюда и суп — гармоничное сочетание мясного и растительного, а в качестве гарнира — просто белый рис.

И всё же эта трапеза была по-настоящему «скромной»: ни жирных блюд, ни жареного, ни дорогих деликатесов. Правда, все ингредиенты требовали свежести — а это в наше время куда ценнее дороговизны.

— Эта щука была выловлена менее чем четверть часа назад и сразу отправлена на пар — неудивительно, что мясо такое нежное! — сразу раскусил господин У, у которого был изысканный вкус.

Щука, конечно, вкусна, но очень капризна: здесь её не ловят, и при перевозке издалека почти вся погибает. Поэтому, поймав, её сразу же потрошат и готовят на пару — иначе качество испортится.

— Вот это да! — учитель Сунь, отведав пару палочек, восхитился: — Эта щука — само по себе чудо! Хозяин гостиницы честный человек. Наши деньги действительно пошли на самое лучшее!

— Совершенно верно! Щуку трудно перевозить, да и стоит недёшево. Этот хозяин — человек с характером, — даже учитель Чжао отведал рыбы.

Неудивительно, что блюдо всем понравилось: небольшую щуку едва не съели дочиста.

А вот Вэнь Жуню больше всего пришёлся по вкусу суп «Вэньсы» с тофу — он даже выпил целую миску.

Когда все наелись, стали прощаться и расходиться.

Но Вэнь Жунь остался. Он нашёл старшего брата Чжана:

— Этот ужин вышел недёшев. Можно ли взглянуть на счёт?

Всё — от качества продуктов до уровня обслуживания, включая чай, сладости и даже письменные принадлежности — было на высшем уровне. Вэнь Жунь заметил: бумага была из дорогой «юйбаньсюань», кисти — из волчьего волоса, а чернильницы и бруски туши — тоже первоклассные.

Расходы явно вышли немалые!

— Академия заплатила двести лянов серебром, — радостно потирая руки, ответил брат Чжан, лицо которого сияло. — Тридцать лянов осталось — их уже отправили обратно. А двадцать второго числа наш хозяин лично зайдёт к вам в гости!

— Двадцать второго? — Вэнь Жунь удивился.

Сегодня уже восемнадцатое число первого месяца, завтра — девятнадцатое, и он как раз собирался возвращаться домой.

— Слишком скоро, — сказал он. — Не беспокойтесь, ваш хозяин, видимо, готовит мне подарок в знак благодарности. Только не надо отказываться — обязательно примите!

Брат Чжан был вне себя от радости:

— Вы ведь не знаете, как наш хозяин воодушевился! У него даже старая боль в ногах, кажется, прошла! Правда, сам старый хозяин не приедет, но наш нынешний хозяин уже спешит сюда из уездного города!

— Ваш хозяин? — Вэнь Жунь сразу понял. — А, старший сын господина Лу Бао?

— Именно! Его зовут Лу Мин. Увидите — сразу узнаете, — брат Чжан, похоже, уже немного подвыпил и без умолку благодарил Вэнь Жуня: — Спасибо тебе, братец! Благодаря тебе я сильно поднялся в глазах хозяина...

Он так долго болтал, что в конце концов рухнул на лежанку и заснул.

Вэнь Жунь... Вэнь Жуню ничего не оставалось, как выйти самому, позвать управляющего, чтобы тот присмотрел за ним, а самому вернуться в гостиницу.

В гостинице все уже ждали его и даже приготовили горячую воду для ванны.

— Быстрее мойся, — вошла жена Чэнь Цяна и положила ему кусок ароматного мыла. — Всё пропахло вином! Всё уже упаковано — завтра можно выезжать.

— Завтра с самого утра уезжаем, — сказал Вэнь Жунь. — В городе задерживаться не будем.

Жена Чэнь Цяна сразу уловила скрытый смысл:

— Неужели возникли какие-то неприятности?

<http://bllate.org/book/15642/1398087>